

НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВА

БЕСТСЕЛЛЕРЫ НАТАЛЬИ АНДРЕЕВОЙ

Серия «Эра Стрельца»

Эра Стрельца

Ничего личного

— Автора!

Я садовником родился

Ангард!

За миг до полуночи (Принц Эдип)

Черная кошка в темной комнате

Достаточно одной таблетки

Москва не принимает

Айсберг под сердцем

Седьмое море

НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВА

АНГАРД!

Роман

АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А65

Компьютерный дизайн обложки
Чаругиной Анастасии

Андреева, Наталья Вячеславовна.

А65 Ангард! : роман / Наталья Андреева. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 384 с. — (Бестселлеры Натальи Андреевой).

ISBN 978-5-17-106895-0

В юности так просто давать клятвы: в верности, в любви, в вечной дружбе. Особенно если в руках у тебя шпага и только что выигран Кубок командного первенства Москвы среди юношей.

Четыре шпажиста, четыре мушкетера клянутся братством Кубка, что и через двадцать лет не оставят друг друга в беде. Как быстро летит время... И вот они уже не мушкетеры... а успешный бизнесмен, знаменитый режиссер, малоизвестный актер и никому не известный писатель. Верный муж, трижды разведенный искатель счастья, повеса и убежденный холостяк.

Жизнь жестока, она сталкивает их лбами, заставляя делить кого деньги, кого славу, а кого женщину. И шпага для них уже не спортивный снаряд, а боевое оружие. Когда тебе в лицо бросают «подлец», ответ один: защищайся! Ангард! И главный в жизни бой, там, где разыгрываются не очки, а жизнь и смерть, может проиграть даже чемпион.

Новая редакция ранее вышедшего романа под одноименным названием «Ангард!».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-106895-0

© Андреева Н., 2017
© ООО «Издательство АСТ»

*В фехтовании: занять позицию,
пригодную для боя*

Братство Кубка

Сверкающий зеркалами огромный зал, чем-то похожий на зал для балльных танцев. Но вместо людей в серебристые стекла печально смотрятся манекены. Чучела для отработки боевых ударов. Разглядывают зияющие раны: несчастные истерзаны безжалостными клинками. Ответить они не могут, закрыться от ударов тоже. Остается лишь грустно глядеться в зеркало и оценивать потери. Сколько еще осталось красоваться им в этом зале, пока не выкинут на свалку?

Здесь пока тихо. Но стоит войти посвященному, прикрыть глаза и прислушаться, как в ушах зазвучит фонограмма, потом раздастся характерный суховато-металлический звук скрещенных клинков и отчаянные, яростные крики сражающихся. И рокот ног. Именно рокот, как у лавины, идущей с гор, потому что пары фехтовальщиков кружатся в замысловатом танце: каждый пытается поразить соперника. Гул нарастает по мере того, как накаляется схватка. Лавина неудержима. Миг — и она

накрывает с головой. Удар — и крик отчаяния или восторга:

— Получилось! У нас получилось! Ура!!!

В зал врывается четверка парней. У того, кто идет первым, в одной руке хрустальная то ли салатница, то ли ваза для конфет, а в другой — бутылка дешевого красного вина. Парень невысок ростом, тонок и гибок, как хлыст, у него смуглое лицо, темные волосы, узкие губы. Карие глаза горят, словно жгут. Получилось!

— Мы это сделали, парни! C'est superbe! C'est magnifique!

— Чего-чего? — удивленно смотрят на него друзья.

— Супер, говорю! Великолепно!

— Так бы сразу и сказал! А то: манифик!

Смуглолицый юноша торжественно ставит на пол «салатницу» и протягивает бутылку другу: «На, открывай!». Самый высокий из четверки, мощный, широкий в плечах, и сильный, как Геракл, парень недовольно мнетяся:

— Женька, ты чего? А спортивный режим?

— За победу надо выпить.

— И чем же я ее открою?

— А вот этим, — хорошенький, как херувим, парнишка с льяными кудрями, хихикая, протягивает шпагу. — Давай, Петька! Протолкни клинком пробку внутрь, и...

— Никогда этим не занимался, — бормочет тот, пытаясь проткнуть острием пробку. — О, черт! Так и порезаться можно!

Четвертый молчит, внимательно наблюдая за манипуляциями друзей с бутылкой. Только

что четверка шпажистов выиграла командное первенство города среди юношей. В составе: Евгений Роцин, Петр Воловой, Валерий Белкин и Ролан Самарин. Все десятиклассники, из разных школ, все — члены спортивного клуба «Рапира». Да здравствует оный и славится во веки веков! Кроме того, Женька Роцин выиграл индивидуальное первенство. И успел уже раздобыть где-то бутылку вина. Такой успех надо отметить.

— Фу-у... Проскочила.

Явный лидер четверки, Роцин почти до краев наполняет вином хрустальную «салатницу». И первым подносит ее ко рту. Ему можно. Он — чемпион.

— Ну, за дружбу!

— И за победу, — добавляет Валерик Белкин, тот самый голубоглазый херувим.

— За победу.

Роцин пьет. Потом протягивает кубок Петьке Воловому. По прозвищу, разумеется, Вол. Тот медленно, словно нехотя, подносит «салатницу» к губам...

...Проиграл. В полуфинале проиграл Роцину. В итоге — лишь третье место. Петя — любимец тренера. У того два прозвища. Деликатное — Француз. Для чужих ушей и для родителей учеников. А меж собой ученики зовут своего тренера Дрыном, за высокий рост и худобу. Дрыну уже под шестьдесят. В молодости он был неплохим фехтовальщиком, о чем свидетельствуют старые фотографии и многочисленные кубки, но на международных сорев-

нованиях громких побед не имел. Недостигаемой мечтой Француза-Дрына было выиграть чемпионат Европы, а потом и Мира! А теперь Дрын мечтает воспитать Дрына-2. Такого же длиннорукого фехтовальщика — чемпиона, который воплотит его заветную мечту в жизнь. Его «коньки» — контратаки в отступлении и ремиз (продолжение атаки). Меж тем возраст уже критический. Скоро Дрын выходит на пенсию. Петька Воловой — последняя его надежда, и старый тренер это понимает. Но...

— Петя! Огонька в тебе нет! Задора нет. Наслаждайся поединком! Наслаждайся. А ты работаешь на дорожке. Опять Женьке Роцину проиграл! А он ниже тебя на целую голову! Где твоя длинная рука? Почему не работает?

— Женька флешами сыплет и сыплет. Как из ведра. Я теряюсь. Видали, как он меня сделал? Его знаменитый флеш! Опустился на колено, шпагу вниз, и снизу вверх — укол! Красиво и эффективно!

— Роцин — мастер импровизации, — с сожалением сказал тогда старый тренер. — Вот ты, Петя. Ты работаешь на дорожке. А Роцин... Роцин творит.

— Скажите, а за что вы его так не любите?

...Следующим кубок берет Валерик Белкин. Тот пьет долго, с наслаждением. Паренек есенинского типа, писанный красавец: льняные кудри, синие глаза. А по натуре рубаха-парень. Веселый, разбитной, любитель покуражиться, и такой же на дорожке. Отступление презирает, только вперед! Вперед и в открытую. Дрын

говорит, что Белкин прост, как грабли. Он в четверке шпажистов — слабое звено. Первый командный бой был его, и Белкин безнадежно проиграл. Но переделать его невозможно. Заставить Валерика хоть ненадолго уйти в защиту? Да куда там! Девочки ведь смотрят! А девочки любят эффектные выпады. И даже когда Белкин проигрывает (а проигрывает он практически всегда), болеют только за него.

«Валерик! Валерик! Да-ва-ай!!!» Белкин жмурится от удовольствия. Вино и девочки. Сейчас вино, вечером будут девочки...

— Все, хватит, — дергает его за рукав Самарин. — Прервись.

Ролан Самарин. Предпочитает, чтобы его звали Ромой. Рома Самарин. Имя, записанное в паспорте, он презирает. Считает дурацким и очень смешным. Когда друзья хотят его задеть, или разозлить как следует, называют Роланом.

Самарин — мастер тактики. В шутку друзья даже называют его «гроссмейстером». Его фехтовальные фразы витиеваты до крайности. Словно многоходовые шахматные комбинации. Длинные завязки, замысловатые репризы, и редкие туше (укол-удар). Самарин может плести кружева на дорожке долго-долго. Пока терпение противника не иссякнет. И у «гроссмейстера» есть существенный недостаток. Настолько существенный, что тренер считает Рому безнадежным для фехтования. Самарин не умеет незаметно вытягивать руку перед уколом. Ведь чем незаметнее вытянешь руку — тем

вернее поразишь противника. Это азбука фехтования.

Рука же Ромы перед уколом непроизвольно делает корявый замах. Настолько корявый, что противник легко читает — «иду атаковать». И тут же контратакует, либо берет защиту. И — все. Наша песня хороша, начинай сначала. Потому Самарин и не колет, плетет кружева на дорожке. Плетет и плетет. Сегодня в финале ему повезло. Противник попался слабый. Вишел, все видел и корявый замах засек. Но контратаковал невыразительно, защищался слабо. В итоге перед решающей схваткой была ничья. Ничья по уколам. А в последнем бою Женька Роцин противнику шансов не оставил...

— Эх, хорошо!

Роцин во весь рост вытягивается на сваленных в углу матах. Тонкий, смуглый, гибкий, словно стальной клинок, всегда заряженный на победу. Даже сейчас готов по команде «Алле!» вскочить и кинуться в бой. Женька мечтательно смотрит в потолок. На улице весна. Воздух, как молодое вино, пьянит мгновенно, с первого глотка. Скоро начнутся выпускные экзамены, а там — взрослая жизнь. Все дороги перед тобой открыты. Кажется, что открыты. А на самом деле?..

Выпив вина, парни слегка захмелели. Языки развязались.

— Женька, ну ты как? — пристально глянул на друга Петя Воловой. — На Россию теперь поедешь? А там и во взрослых соревнованиях можно участвовать. КМС, считай, сдал.

Потом, глядишь, и мастером спорта станешь. Международного класса, — подчеркнул Воловой. — Тебе теперь все пути открыты, после такой двойной победы.

— Хочешь сказать, что я должен связать свою жизнь с фехтованием? Ну, уж нет! — расхохотался Роцин.

— Да ты что?! Ты же лучший фехтовальщик на шпагах! Да ты во всей стране лучший, Женька!

— А что такое фехтование? А? — Роцин приподнялся на локте.

— «Фехтование приучает человека к самостоятельности, руки развивают силу и гибкость, кривые ноги выпрямляются, существо слабое, хилое укрепляется...» — голосом Дрына проскрипел Валерик Белкин.

Друзья не выдержали и рассмеялись. До чего ж похоже! У Белкина прямо талант к лицедейству.

— Молодец! — хлопнул его по плечу Роцин. — Но я не в том смысле. В смысле перспективы. Непопулярный вид спорта. Не то, что футбол, или хоккей. Членов нашей сборной по хоккею все знают в лицо. А кто знает в лицо знаменитых фехтовальщиков? Увы!

— Что ж ты не записался в футбольную секцию? — мрачно спросил Самарин.

— «Трех мушкетеров» начитался. И потом... Хотел поставить школьный спектакль. «Три мушкетера», — нехотя ответил Роцин.

— Поставил?

— Да. Спектакль прошел на ура. Даже пресса была. Корреспондент из журнала для молодежи. Оч-чень популярного, между прочим.

— И? — напряженно спросил Петя.

— Что и требовалось доказать. Я собираюсь поступать на режиссерский факультет. А там конкурс-то ого-го! Но с такой рецензией у меня появляется шанс. Подам на рассмотрение свой сценарий и озвучу результат его воплощения в жизнь, то бишь, зачитаю комиссии хвалебную рецензию. Вот и пригодилось фехтование.

— Какой удар для Дрына! — поморщился Петька Воловой. — Жека, а ведь он на тебя рассчитывает! Не часто его ученики выигрывают первенство города.

— Вот и утешь его, — зло сказал Рошин. И презрительно добавил: — Любимчик.

— Я на экономический. Мне к экзаменам надо готовиться.

— Брось, Петька! Кому нужна экономика? Тоска! Закопаешься в цифрах. Если уж у тебя способности к математике, иди в инженеры. Или физиком стань. Ракеты в космос запускай. И то — дело!

— Я на экономический, — упрямо сказал Воловой. — Что-то мне подсказывает, что жизнь скоро изменится. И космос ваш накроется медным тазом. А вот экономисты будут в цене. Да и чемпиона из меня не получится. Дрын это знает.

— А я в театральный, — улыбнулся вдруг Валерик Белкин.

— Чего-о?! — хором спросили друзья. И переглянулись. Ну и ну!

— Артистом буду. А вы думали, чего я здесь парюсь? В «Рапире»-то? Сколько у нас классических пьес, где требуется умение фехтовать? Один Шекспир чего стоит! «Гамлет», «Ромео и Джульетта», «Двенадцатая ночь»... Те же мушкетеры, Сирано де Бержерак. Не счесть. У меня кроме внешности перед остальными есть преимущество. Юношеский второй разряд по фехтованию. Следовательно, я умею играть фехтовальные репризы. И играть красиво. Приемная комиссия будет в восторге.

— А ты не дурак, — усмехнулся Рошин. — Признаться, я тебя недооценил. Умно! И фехтуешь ты правильно, если принять во внимание цель. Атака, атака и еще раз атака. Теперь мне все понятно. Тогда мы с тобой еще встретимся. Не на дорожке. На репетиции. Если каждый своего добьется. Я буду ставить фехтовальные репризы, а ты их играть.

— Идет, — беспечно сказал Белкин. — Ну а ты, Рома? Почему молчишь?

— А что сказать?

— Куда собираешься после десятого класса? В какой институт?

— Может, я в армию пойду, — нехотя сказал Самарин.

— Да ты что?! Сейчас лучших в Афган отправляют! Ты, вообще, в курсе? Ромка, ты ведь спортсмен!

— Ну и что? Мне все равно.

— Дурак, — резюмировал Роцин. — Умереть всегда успеешь. — И вдруг спохватился: — О, черт! А сколько сейчас времени?

— Что, Маргота ждет? — хмуро спросил Самарин.

— Ты, Жека, смотри... Поосторожнее с ней, — посоветовал опытный в делах сердечных Белкин.

— Это еще почему?

— На таких женятся.

— Еще чего!

Роцин поднялся. Маргарита Лепаш была самой красивой девушкой в школе. А ему всегда достается все самое лучшее. Так было всегда и так будет. Ромка ревнует, это видно. Глаза цвета моря сразили его наповал. Ромка зовет ее Марготой. Дюма начитался. Роман называется «Сорок пять». «Маргота и Тюренн». Латынь. Нет, она не Маргота. Она — Маргарита Лепаш. Странная фамилия, забавная и немного смешная. Французская? А почему буква «ша» на конце? Странно! И сама она немного странная, эта белокожая малышка с огромными яркими глазами. До сих пор тайком шьет платья своим куклам, словно девчонка какая-нибудь, часами может строчить на своей машинке. Только он, Роцин, знает, что Маргота собирается поступаться в текстильный институт, учиться на модельера. Пока это тайна.

А за окном весна... Конец апреля, и апрель в этом году невероятно теплый. Женька Роцин вскочил и потянулся. Красота! Его ждет самая красивая девушка в школе, а, может быть, и во

всей Москве. И в руках у него чемпионский кубок. Он, Роцин, прекрасно знает, что он лучший фехтовальщик в этой огромной стране, да, среди юношей, зато самый перспективный, самый одаренный, самый ловкий и смелый. И захоти он... Нет, не об этом сейчас. Он немного пьян от вина и от победы. И от любви. Ну, совсем чуть-чуть. Потому что на таких, как Маргота, женятся лишь романтики типа Ромки Самарина.

— Значит, все? — снизу вверх посмотрел на него все еще лежащий на пыльных матах Петька Воловой. — Разбежались? Выиграли кубок и разбежались. У Дрына случится инфаркт. Слышали, что он сказал, после того, как нам кубок вручили? «Теперь на Россию поедем». Жаль.

У Петьки добрая душа. Тело, которое со временем обещает стать огромным, ибо Петька склонен к полноте, и такое же огромное сердце. Доброе сердце.

— Почему все? — обернулся Роцин, который уже, было, направился к дверям. — Мы обязательно встретимся!

— Когда? Двадцать лет спустя? — с усмешкой спросил Воловой.

— А, хотя бы и двадцать! А что?

— Через двадцать лет! С ума сойти! — сложив губы трубочкой, присвистнул Валерик Белкин. — Столько не живут!

Да, семнадцатилетние думают так. Тридцать — это старость, а сорок уже дряхлость. Столько не живут. Зачем?

